

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИОГРАФИИ

Чернолуцкая Е.Н.

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
chvalery@mail.ru

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОСТОЯНИИ ВОЕННОЙ СФЕРЫ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1990-Е ГГ.

Аннотация. Проблема эволюции вооруженных сил на российском Дальнем Востоке в первое десятилетие истории Российской Федерации получила достаточно разностороннее освещение в англоязычной историографии. Зарубежные исследователи (Ф.К. Чанг, С. Дэвис, А. Кучинс, М. Галеотти, Дж. Мольтц и др.) характеризуют 1990-е гг. как этап масштабного падения военной отрасли в регионе, что являлось проявлением общего кризисного состояния государственной системы. В публикациях выявлена не только отрицательная количественная динамика потенциалов Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота, но также острота связанных с этим политических и социальных проблем. Исследования демонстрируют, что особенностью рассмотренного исторического этапа было сочетание, с одной стороны, целенаправленного проведения государством сокращения и реструктуризации войск, а с другой – стихийных деструктивных процессов, вызванных проблемами финансирования, военно-технического и социального обеспечения, коррупцией и т.п. Сквозь призму военного сообщества показано резкое снижение уровня жизни на Дальнем Востоке, рост социальной напряженности. Главный вывод западных аналитиков состоит в том, что в 1990-е гг. Тихоокеанский регион потерял значение стратегического бастиона России. Однако он сохранял стареющий, но все еще большой ядерный арсенал, по мнению экспертов, представлявший в условиях всеобщего кризиса не столько военную, сколько экологическую и технологическую угрозы. Другой вид опасности авторы связывают с вовлечением дальневосточных военных в политический процесс, а также возникновением симбиотических связей местных органов власти с вооруженными силами, что могло привести к снижению лояльности последних в отношении центральной власти.

Ключевые слова: англоязычная историография, вооруженные силы, Дальний Восток России, 1990-е гг.

Современная история Дальнего Востока России (в хронологических рамках существования Российской Федерации) не является приоритетной темой в англоязычной русистике. Самый отдаленный от Москвы регион страны если и попадает время от времени в поле зрения зарубежных исследователей, то большей частью в контексте анализа общей геополитической ситуации и экономических взаимодействий в АТР, что имеет под собой, прежде всего, цели международной политической практики государств Тихоокеанского бассейна. Среди аспектов этой проблематики одним из наиболее волнующих западное сообщество остается вопрос о состоянии военной сферы на восточных рубежах России, ее изменениях, произошедших после развала советского государства, и имеющихся в настоящее время ресурсах. Сформировавшийся в 1990–2010-е гг. «дальневосточный» пласт англоязычной историографии содержит немного публикаций, где не рассматривалась бы данная тема.

На этом фоне русскоязычная историография сильно проигрывает. Если в масштабах страны эволюция военной отрасли еще находит квалифицированных отечественных исследователей, то этого нельзя сказать об изучении проблемы в территориальных рамках Дальнего Востока. Здесь список публикаций в открытых изданиях на русском языке

ограничен единичными работами, выполненными, как правило, вышедшими в запас военными командирами, которые лишь кратко затрагивают период 1990–2000-х гг.¹ Одним из немногих гражданских историков, специализирующихся на дальневосточной военной проблематике позднесоветского периода с акцентом на политических и социальных аспектах, является К.Ю. Колесниченко. Косвенно он затрагивает и начальный период РФ, но при оценке количественных параметров сетует на недостаток источников и вынужден ссылаться на зарубежные материалы². Специфика же историографической ситуации состоит в том, что российских экспертов нередко приглашают участвовать в коллективных международных проектах с публикацией их работ на английском языке. Такие статьи, связанные с военной проблематикой или касающиеся её, содержатся в ряде изданных на Западе сборниках, посвященных российскому Дальнему Востоку или проблемам безопасности в АТР³.

Учитывая актуальность исторического подхода к проблемам развития современной военной отрасли на российском Дальнем Востоке и явные диспропорции в её изучении отечественными и зарубежными учеными, в статье ставится задача проанализировать достижения англоязычной историографии в заявленном научном направлении.

Начнем с того, что в зарубежных исследованиях проработка вопроса о состоянии военной сферы на Дальнем Востоке в 1990–2000-е гг. имеет, прежде всего, прагматические цели и, в конечном счете, сводится к выявлению того, насколько Россия может быть фактором военного влияния или, по традиционным представлениям Запада, военной угрозы в этой части света. Такая позиция не случайна. Она отталкивается от распространенного тезиса о том, что на протяжении длительного исторического периода основой российского могущества в Восточной Азии и безопасности на РДВ были войска; именно из-за военной мощи, в первую очередь, Восточная Азия уважала Советский Союз на протяжении большей части XX в., в то время как экономика и политика играли важные, но второстепенные роли. В 1990-е же годы стало очевидным, что стремительное падение вооруженных сил на Дальнем Востоке как часть общей экономико-социальной деградации в стране нанесло серьезный удар по силе и влиянию РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴.

Исследуя этот процесс, зарубежные аналитики стараются оценить его конкретные качественные и количественные параметры, тенденции и динамику. Существуют два основных подхода в таких исследованиях. Один из них заключается в сравнительной характеристике вооруженных сил России, Китая, США, Японии, Республики Корея и КНДР в сочетании с анализом целей, мотивов и форм реализации стратегической и оборонной политики этих государств в АТР⁵. Авторы обычно приводят конкретные данные об оборонном бюджете, числе военнослужащих и единиц разных типов военной техники (танков, надводных и подводных кораблей, самолетов и т.д.). В качестве источника информации активно используется годовая оценка глобального военного потенциала и

¹ Митичкин Н.С., Кулагин В.В., Муратов В.Н. Тихоокеанский флот России. 1731–2006. Исторический очерк (к 275-летию). Владивосток: Дальнаука, 2006. 280 с.; Хмельнов И.Н. Российский флот: доблесть и нищета. М.: АСТ, 2003. 502 с.; и др.

² Колесниченко К.Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края) // Ойкумена, 2012. № 3. С. 121-122.

³ Zagorsky A.V. The Security Dimension// Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. London, New-York: Routledge, 1997. P. 23-48; Sevastyanov S. Russian Reforms: the Implications for Regional Security Policy and the Military// Russia's Far East: a Region at Risk / ed. by J. Tornton and Ch. E. Ziegler. Seattle, London: The National bureau of Asian research, 2002. P. 223-246; и др.

⁴ См., например: Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power// Orbis. 1999. Vol. 43. № 2. P. 257, 264; Kuchins A.C., Zagorsky A.V. The Russian Federation and Asian Security. Marginalization or Integration? // America's Alliances with Japan and Korea in a Changing Northeast Asia: paper for the conference 1998. P. 5. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/ruseur_wp_009.pdf (дата обращения 18.01.2016)

⁵ CNA Maritime Asia Project. Workshop Two: Naval Developments in Asia: conference report / ed. by M.A. McDevitt and C.K. Lea. CNA, 2012. 140 p.; Klein M. Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2014. 37 p.; и др.

оборонных экономик, публикуемая в специальном издании «The Military Balance», которое с 1959 г. ежегодно выпускает Международный институт стратегических исследований – IISS (Лондон)¹. Привлекаются также материалы открытого ежегодника Министерства обороны Японии «Defense of Japan (Annual White Paper)», в котором даются разъяснения по актуальным вопросам развития обороны Японии на фоне сведений о военном потенциале и военной стратегии стран АТР². Исследователи ссылаются и на другие аналогичные издания, в частности, на ежегодно издаваемый справочник «Jane's Fighting Ships», где размещается информация обо всех боевых кораблях мира по странам (названия кораблей, размеры, вооружение и т.п.). Доступ к нему облегчен онлайн-версией, версиями на компакт-дисках и микрофишах³.

Другой подход связан с изучением внутренней жизни российского Дальнего Востока, важной частью которой зарубежные авторы справедливо считают военную сферу. Показательна сама структура публикаций. В качестве примера приведем две наиболее подробные англоязычные публикации по этой теме. В статье Ф.К. Чанга «Развал власти на российском Дальнем Востоке» (1999)⁴, несмотря на ключевое слово «власть» в заголовке, более половины текста отведено разделам «Наземные и воздушные силы» и «Морские силы», а в монографии С. Дэвис «Российский Дальний Восток: Последний фронтир?» (2003)⁵ военному и военно-промышленному комплексу посвящена одна из шести глав, остальные пять раскрывают вопросы демографии, политики, управления, экономики, внешних связей.

Характер таких исследований определил и особенности их источниковой базы. Ученые, как и их коллеги из первой группы, опираются на цифровые показатели, опубликованные в «The Military Balance» и аналогичных изданиях, но для них не менее значимыми являются материалы российских и зарубежных СМИ, публичные выступления представителей центральных и региональных органов власти и военного командования, а также собственные интервью авторов с лицами, профессионально вовлеченными в рассматриваемые процессы. Существенным подспорьем для англоязычных исследователей выступает база данных американской Информационной службы зарубежного вещания (Foreign Broadcast Information Service – FBIS), действующей в составе ЦРУ. Со времен Второй мировой войны FBIS занимается сбором и переводом на английский язык материалов из открытых иностранных, в том числе русских, источников (радио, телевидение, печать), которые затем в своих интересах используют разведывательные, правительственные, дипломатические, военные структуры США. Оцифрованная база данных за 1941–1996 гг. доступна в интернете через платную подписку⁶.

В целом нельзя не отметить, что информация, связанная с современной российской военной сферой, стала для исследователей значительно более доступной, благодаря политике внешней открытости, начатой М. Горбачевым. Так, по Договору об обычных Вооруженных силах в Европе (1990) Россия обязана информировать международную общественность о своих военных подразделениях. Однако это касается только европейской части территории России, но не включает регионы к востоку от Урала, в том числе Дальневосточный военный округ⁷. Естественно, сохраняются и многие другие информационные ограничения по вооруженным силам. В связи с этим в публикациях по Дальнему Востоку можно найти

¹ Официальный сайт IISS. URL: <https://www.iiss.org/en/publications/military-s-balance/about-s-military-s-balance> (дата обращения: 29.05.2018).

² Официальный сайт Министерства обороны Японии. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/ (дата обращения: 03.06.2018).

³ URL: <https://ihsmarkit.com/products/janes-fighting-ships.html> (дата обращения: 07.06.2018).

⁴ Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power// Orbis. 1999. Vol. 43 (2). P. 257-284.

⁵ Davis S. The Russian Far East. The last frontier? London, New York: Routledge, 2003. 155 p.

⁶ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_Broadcast_Information_Service (дата обращения: 31.05.2018).

⁷ Davis S. The Russian Far East... P. 115.

фактологические неточности, лакуны, разночтения и недосказанности, что влияет и на оценочные позиции авторов.

Некоторые сведения даются в работах без каких-либо ссылок и, возможно, почерпнуты из закрытых источников. Например, таким способом в монографии С. Дэвис приводится структура Дальневосточного военного округа (ДВВО) с указанием числа дивизий, бригад и корпусов по родам войск¹. Статья М. Галеотти (1998) содержит подробную таблицу баз и номерных подразделений стратегических и обычных вооруженных сил Дальневосточного и Забайкальского военных округов, войск ПВО, Тихоокеанского флота, их размещения по населенным пунктам, а для большей наглядности все это отражено на карте под заголовком «Стратегическое значение Дальнего Востока»². Такие материалы сами становятся источником информации для других исследователей.

Представители второго направления особенно подробно изучили период 1990-х гг., когда кривая падения российской военной отрасли была наиболее драматична. Но начало этого процесса исследователи единодушно относят к последним годам существования СССР – периоду правления М. Горбачева, изменившего внешнеполитическую и военную доктрину государства. Окончание «холодной войны», снижение уровня внешних угроз, в том числе напряженности во взаимоотношениях с Китаем, с одной стороны, и острые финансово-экономические трудности – с другой, стали главными факторами, которые привели советское руководство к планомерному уменьшению военного бюджета и войск. Как подмечено в работах, об одностороннем сокращении советских войск на Дальнем Востоке Горбачев впервые объявил в своем выступлении во Владивостоке в 1986 г., реальной же вехой отчета стал 1989 год, с которого и началось падение. Если в 1989 г. в регионе размещалось 43 подразделения сухопутных войск и около 390 тыс. военнослужащих³, то в 1991 г. – соответственно 38 и 340 тыс.⁴

Такой же экзекуции подвергся Тихоокеанский флот, который западные аналитики оценивали как самый сильный флот СССР. Ф.К. Чанг обращает внимание на особенности динамики ТОФ в последнее десятилетие советской власти. По его данным, в течение 1980-х гг. суммарное количество военных кораблей на Дальнем Востоке в целом стабильно сохранялось около 258. При этом число современных кораблей, главным образом крейсеров и ракетных эсминцев, способных к океаническим операциям, к 1988 г. увеличилось с 26 до 41, включая два авианосца, что, по словам автора, отражало стремление Советского Союза стать крупной тихоокеанской морской державой. Но в 1987 г. руководство страны начало вывод из эксплуатации подводных лодок, связывая его с программой модернизации флота, поскольку многие субмарины уже устарели. А с 1990 г. Тихоокеанский флот подпал под сокращение в целом⁵. В англоязычных публикациях можно найти различные сведения, иллюстрирующие этот процесс. По данным А. Кучинса, в 1989 г. у ТОФа было 100 надводных кораблей и 140 подводных лодок⁶, а в 1990 г., как показано у С. Дэвис, – 41 крупный надводный корабль, включая 16 крейсеров, 14 эсминцев и 16 фрегатов. Она же сообщает, что на пике развития подводного флота (год не указан) ТОФ имел 90 боевых субмарин⁷.

Начальный этап истории региональных вооруженных сил в составе Российской Федерации, рассмотренный в англоязычной историографии, относится к 1990-м гг. Всем

¹ Там же.

² *Galeotti M.* Russia's Far East – Russian or Eastern?// IBRU Boundary and Security Bulletin. 1998. Spring. P. 62-65.

³ *Davis S.* The Russian Far East... P. 112.

⁴ *Kuchins A.C., Zagorsky A.V.* The Russian Federation and Asian Security... P. 5. По данным авторов – это суммарные цифры по Дальневосточному и Забайкальскому военным округам.

⁵ *Chang F.K.* The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 274.

⁶ *Kuchins A.C.* Russia and Great-Power Security in Asia// Russia and Asia: The Emerging Security Agenda / ed. by G. Chufirin. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 433.

⁷ *Davis S.* The Russian Far East... P. 116.

аналитикам совершенно ясно, что в это десятилетие начавшийся ранее процесс ослабления военной отрасли страны в целом и Дальнего Востока, в частности, резко пошел по нарастающей. «Когда <...> Горбачев впервые объявил об одностороннем сокращении советских войск на Дальнем Востоке, – пишет Ф.К. Чанг, – в то время мало кто представлял, насколько небольшие российские вооруженные силы там в конечном счете останутся. <...> К концу 1990-х гг. <...>. [они] стали тенью того, что было»¹.

Зарубежные авторы оперируют следующими показателями этого падения. Численность военнослужащих в Дальневосточном военном округе в 1996 г. сократилась до 190 тыс. чел. Из существовавших в 1991 г. 24 дивизий (3 танковых, 18 мотострелковых, 2 пулеметно-артиллерийские, 1 артиллерийская) к 1998 г. осталось 15 (8 действующих и 2 учебных мотострелковых, 2 пулеметно-артиллерийские, 1 артиллерийская), из 8 полков боевых вертолетов – только 2. Некоторые подразделения были созданы или расширены в 1992–1995 гг., но и их урезали к концу 1990-х гг.: воздушно-десантные бригады – с 11 (1992) до 9 (1998), бригады ракет по классу «земля-земля» – с 5 (1995) до 3 (1998), по классу «земля-воздух» – с 6 (1992) до 5 (1998). Многие дивизии были сведены в бригады, для которых, в свою очередь, допускалось снижение их полной мощности. Состояние войск усугублялось острым дефицитом кадров, к 1999 г. на российском Дальнем Востоке не было ни одной дивизии, которая имела бы более половины своей штатной численности офицеров и солдат².

В публикациях показано, что на Тихоокеанском флоте сокращение шло главным образом за счет океанических кораблей, лишь с помощью прибрежного флота суммарное количество кораблей и персонала удалось несколько стабилизировать в 1995 г. Тем не менее к концу 1990-х гг. боевая способность флота составляла менее трети от своей мощности в предыдущее десятилетие. В 1997 г. у ТОФа было 60 крупных кораблей и 60 подводных лодок. Он лишился обоих авианосцев («Минск» и «Новороссийск»), проданных на металлолом Южной Корее. Предназначавшийся ранее для Тихого океана атомный крейсер «Петр Великий» в 1998 г. отправили на Северный флот. Крупнейшим российским надводным кораблем на Дальнем Востоке теперь стал крейсер «Варяг». Особое внимание западных экспертов уделено состоянию подводного флота. Они констатируют, что Россия оказалась неспособной провести его модернизацию, начатую в конце 1980-х гг., и заменить выведенные из эксплуатации субмарины. Последняя база атомных подводных лодок в азиатской России, расположенная в пос. Рыбачьем на Камчатке, влячила жалкое существование. В 2000-х гг. в регионе боееспособными оставалось менее 9 подводных лодок с ядерными баллистическими ракетами и 19 неатомных. Многие надводные корабли имели лишь 65–70% от стандартной численности экипажа³.

Главный вывод западных аналитиков состоял в том, что в 1990-е гг. Тихоокеанский регион потерял значение стратегического бастиона России. ТОФ уже не мог, как ранее, осуществлять океанический контроль, противодействовать седьмому флоту США в Тихом и Индийском океанах. Его роль теперь свелась к более скромной задаче – защите береговой линии, морских коммуникаций между Владивостоком и Петропавловском-Камчатским, нефтегазовых буровых платформ на шельфе Сахалина, обеспечению российских прав рыболовства в этом регионе⁴.

¹ *Chang F.K.* The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 266-267.

² Там же; *Davis S.* The Russian Far East... P. 112; *Kuchins A.C.* Russia and Great-Power Security... P. 433.

³ *Kuchins A.C.* Russia and Great-Power Security... P. 433; *Chang F.K.* The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 274-275; *Davis S.* The Russian Far East... P. 116; *Moltz J.C.* Russian Nuclear Regionalism: Emerging Local Influence over Far Eastern Facilities// *Russia's Far East: a Region at Risk* / ed. by J. Tornton and Ch. E. Ziegler. Seattle, London: The National bureau of Asian research, 2002. P. 250.

⁴ *Kuchins A.C.* Russia and Great-Power Security... P. 433; *Chang F.K.* The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 274; *McDevitt M.A., Lea C.K.* Workshop Overview // *CNA Maritime Asia Project*... P. 9.

Западное сообщество не без удовлетворения наблюдало за этим процессом. Единственное, что продолжало его беспокоить в военном отношении, – это стареющий, но все еще большой российский арсенал ядерного оружия и систем его доставки – «остаток статуса сверхдержавы Советского Союза». При этом опасения заключались не столько в том, что Россия воспользуется этим оружием, сколько в том, что из-за экономического спада, политических и социальных пертурбаций будет потерян необходимый контроль над ядерными объектами и радиоактивными материалами, что может привести к устрашающему экологическому загрязнению и гуманитарным катастрофам. В англоязычных публикациях российский Дальний Восток охарактеризован как один наиболее опасных регионов скопления ядерных объектов и материалов, их сосредоточение по краям и областям подробно перечислено в работах. Особое внимание уделено острым проблемам демонтажа списанных атомных подводных лодок и захоронения жидких отходов, а также недостаточного контролирования таких объектов, случаях проникновения на них злоумышленников и т.д. В этом контексте наиболее часто упоминаются базы подводного флота в бухтах Павловск и Чажма в Приморском крае и в пос. Рыбачий на Камчатке, завод по утилизации атомных субмарин «Звезда» в ЗАТО Большой Камень Приморского края¹.

В статье Дж. Мольца эта проблема рассматривается в рамках концепции «ядерного регионализма», под которой понимается наличие в регионе ситуации, при которой ядерные материалы и технологии рискуют попасть под контроль региональных субъектов, причем не только из структур власти. Это могут быть мафиозные кланы (пытающиеся с помощью угроз и вымогательства получить доступ к материальным ценностям на ядерных объектах с целью получения прибыли), мелкие воришки металла на продажу (неадекватно понимающие опасность контакта с такими материалами), протестующие рабочие (захватывающие ядерные объекты как способ давления на власть, когда не выплачивается зарплата) или граждане, выступающие против экологической угрозы (затрудняют поступление на объект необходимых технологических материалов или обслуживающего персонала). Негативная ситуация возникает и в случае «утраты контроля», когда систематические сбои на региональных ядерных объектах, вызванные урезанием бюджета или сокращением персонала, могут привести к общим проблемам управления и контроля, в которых не виноваты ни определенные группы, ни отдельные люди. Автор приводит конкретные случаи всех перечисленных вариантов, произошедшие на Дальнем Востоке в 1990-е гг., которые, по его мнению, означали ослабление стабильного контроля Центра над Дальним Востоком и оценивались как создающие угрозы внутренней и внешней безопасности. Вывод статьи сводится к необходимости значительного сокращения ядерной инфраструктуры в регионе, а до тех пор, пока Россия сама не будет способна это сделать, иностранные правительства должны помочь ей посредством соответствующих программ².

Большое внимание в англоязычной историографии уделено не только драматической динамике количественных параметров вооруженных сил на Дальнем Востоке, но и их физической и моральной деградации. Исследователи вскрывают тяжелые проблемы финансирования и материально-технического снабжения в ДВВО и ТОФ. Особенно болезненными были нехватка горюче-смазочных материалов (до 50%), запасных частей, большая задолженность за электричество, что не позволяло проводить необходимые военные тренировки и учения, приводило к снижению боевой готовности подразделений, разрушению техники, высокого уровня аварийности, трагическим случаям. Так, в авиации по причине нехватки горючего в 1998 г. российские пилоты имели не более 40 летных часов, в то время как китайские – 100, американские – 230. Из-за неуплаты долгов по электричеству имели место крайне опасные случаи отключения от электроэнергии баз ядерных подводных

¹ *Chang F.K.* The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 277; *Kuchins A.C.* Russia and Great-Power Security... P. 432; *Moltz J.C.* Russian Nuclear Regionalism... P. 247-266.

² *Moltz J.C.* Russian Nuclear Regionalism...

лодок и стратегических ракетных войск. На флоте только 10% кораблей, нуждавшихся в ремонте, действительно получали его. А те, что требовали дорогостоящего ремонта или переоборудования, просто не эксплуатировались и ржавели у пирса. На Камчатке зимой 1997 г. лишь одна подводная лодка могла выйти на боевое дежурство. В 2001 г. из 10 атомных подводных лодок типа Дельта-3 и Дельта-1, базировавшихся в пос. Рыбачий, только четыре были годны к мореплаванию в связи с плохим финансированием и техническим обеспечением. Такая же ситуация была в конце 1990-х гг. и на главной дальневосточной базе подводных лодок в Приморском крае – бухте Павловск, где, по оценкам экспертов, из более десятка ударных субмарин фактически только одна была укомплектована и выходила в море¹.

Не лучшая обстановка выявлена авторами в продуктовом снабжении военных дальневосточников. Многие армейские подразделения в регионе в середине 1990-х гг. получали лишь 40–50% бюджетных дотаций на питание, из-за этого рацион в частях был существенно ограничен, мяса не хватало даже для летчиков и подводников. В 1993 г. три матроса ТОФ умерли от пневмонии, усугубленной недоеданием. Особенно большие трудности снабжения испытывали пограничные заставы. Военным и их семьям приходилось тратить обязательный для армии неприкосновенный запас продуктов².

Анализируя проблемы военной сферы на Дальнем Востоке, зарубежные авторы показывают их тесное переплетение с проявлениями системного кризиса в стране и его нюансы в регионе. Ряд авторов обратили внимание на новые черты в военно-гражданских взаимодействиях на местах, которые появились в 1990-е гг. в условиях кризиса центр-периферийных отношений. Региональные или местные власти вынуждены были помогать размещенным на их территории военным подразделениям, давая или одалживая деньги, прощая оплату аренды, электричества, коммунальных услуг и т.д. В свою очередь командирам приходилось отвечать им взаимностью, оказывая всевозможные практические услуги – от патрулирования улиц до ремонта автомобилей³.

Большинство исследователей, касавшихся этого явления, отметили его далеко идущие последствия, поскольку оно означало возникновение зависимости офицерского корпуса от политических и экономических структур в регионе или образование заинтересованных связей между ними, что могло подорвать лояльность военных в отношении центральной власти⁴. М. Галеотти выразил это следующим образом: «Так как они (военные – *Е. Ч.*) тоже становятся связанными с региональными элитами компрометирующими цепями собственных интересов, Москва в лице зажимающего копейку Министерства обороны <...> все чаще рассматривается как враг, а не столица»⁵.

Эрозия власти, которая угрожала самому существованию военных, обострила среди них чувство кризиса и неизбежно вовлекала в политический процесс на Дальнем Востоке. С. Бланк обращает внимание на возникновение «потенциально опасных оппозиционных Центру симбиотических отношений», «коалиций» местных органов власти с вооруженными силами, которые приводили даже к срыву стратегических инициатив Москвы. Так случилось в 1992 г., когда сахалинский губернатор В. Федоров объединился с военными, выступая против возвращения Курильских островов Японии, что подтолкнуло Б. Ельцина к отмене своей поездки в Японию и замораживанию отношений с Токио. Автор считает это опасным

¹ Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 269-276; Davis S. The Russian Far East... P. 112; Moltz J.C. Russian Nuclear Regionalism... P. 150-151.

² Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 270-273; Davis S. The Russian Far East... P. 112.

³ Galeotti M. Russia's Far East... P. 63-65.

⁴ Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 271; Davis S. The Russian Far East... P. 105; и др.

⁵ Galeotti M. Russia's Far East... P. 65.

прецедентом, свидетельствующим о неспособности Москвы контролировать региональные правительства и вооруженные силы¹.

Кроме того, по мнению Нобуо Араи и Цуеси Хасэгава, военные не могли не участвовать в возрождении правого крыла номенклатуры, учитывая их влиятельную роль при советской власти, разрушение военной сферы в 1990-е гг. и кризис оборонной промышленности².

Еще одним следствием кризисного состояния армии и флота в условиях политико-экономической турбулентности в стране зарубежные авторы называют рост коррупции и преступности в военной сфере. Исследователи этой темы получили богатый информационный ресурс в виде российских центральных и региональных СМИ 1990-х гг., буквально напичканных соответствующими сообщениями. В англоязычных публикациях среди наиболее часто приводимых фактов – события на Тихоокеанском флоте, где в 1992–1998 гг. сменилось пять командующих, из которых только двое ушли на повышение. Остальные, а также многие из подчиненных им офицеров были запятнаны скандалами, связанными со снабжением флота, получением взяток, продажей флотских нефтяных резервов в целях личной выгоды и т.д. Так, командующий ТОФ адмирал И. Хмельнов, участник сделки по продаже авианосцев на металлолом, в 1997 г. был осужден за злоупотребление служебным положением в решении «квартирного вопроса», мошенничество и должностной подлог. Но большинство виновников редко доходили до судебного разбирательства, что, по мнению М. Галеотти, свидетельствовало о существовании мощной круговой поруки, связывающей ключевые фигуры в местных политических, правовых и военных структурах. Представители среднего и низового звена военнослужащих также стали участниками преступных сделок, распространились случаи краж и нелегальной продажи оружия, взрывчатых веществ, амуниции и т.д. Развал дисциплины и общий хаос в армии привел к ряду крупных пожаров и взрывов на складах вооружения в Приморском крае и Еврейской автономной области, что потребовало массовой эвакуации местных жителей, и лишь по счастливой случайности никто не пострадал³.

Все это обусловило крайне низкое моральное состояние военнослужащих, распространение дедовщины, дезертирства и других чрезвычайных происшествий в армии. Так, один из примеров в монографии С. Дэвис показывает, что из-за побоев и издевательств со стороны старших служащих и офицеров только в июне 1999 г. 44 солдата на Дальнем Востоке ушли без разрешения из расположения своих частей. Военное расследование обнаружило, что 12 из этих солдат имели явные травмы, кроме того у других 50 чел. в казармах были выявлены заболевания, вызванные застарелыми травмами⁴. В публикациях сообщается также о росте самоубийств среди военных, особенно офицеров, а также случаях расстрела однополчан каким-либо солдатом, находившимся в состоянии аффекта во время несения службы: из-за ужасающих условий у людей сдавала нервная система⁵.

Один из ракурсов западной историографии направлен и на такой значимый исторический аспект: сквозь призму проблем армии и флота отражен общий кризис социальной сферы на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. – резкое снижение уровня жизни и обострение социальной напряженности. В публикациях обрисована тяжелая картина деградации социального обеспечения и условий жизни семей военнослужащих, когда по причине отсутствия регулярного и полного финансирования офицеры по несколько месяцев

¹ Blank S.J. Russia's Armed Forces on the Brink of Reform. March 16, 1998. P. 29-30. URL: <https://fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/brnkrefm.pdf> (дата обращения: 07.06.2018)

² Nobuo Arai, Tsuyoshi Hasegawa. The Russian Far East in Russo-Japanese Relations // Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. London, New-York: Routledge, 1997. P. 167.

³ Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 278-279; Galeotti M. Russia's Far East... P. 63.

⁴ Davis S. The Russian Far East... P. 113.

⁵ Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 271.

не получали зарплату, продовольственные пайки, квартирные и проездные субсидии. Даже командир подводной лодки атакующего класса вместо денег раз в месяц приносил домой «небольшую наволочку, полную банок и пакетов с крупами», а зарплата матроса на рыбацкой шхуне в некоторых районах была вдвое выше, что у капитана атомной подлодки. Во многих семьях военнослужащих не хватало денег, чтобы купить хлеба. Из-за этого офицеры нередко искали дополнительный заработок на стороне или увольнялись со службы в надежде получить более денежную работу.

Состояние общества показано также на примере призывников. Армия не могла набрать нужное количество срочных служащих из-за демографического спада, намеренного уклонения от призыва, роста среди молодежи алкоголизма, наркомании, токсикомании. Медицинские призывные комиссии выявляли все большее число юношей с различными заболеваниями, недостаточным весом или страдающих от истощения. В качестве иллюстрации приводятся такие, например, факты: среди новобранцев в Тихоокеанском флоте 12% нуждались в интенсивной диете и 10% – в медицинском контроле, в Республике Саха только 54% призывников были годны к военной службе¹.

Выводы. Проблема состояния вооруженных сил на российском Дальнем Востоке в первое десятилетие истории Российской Федерации получила достаточно разностороннее освещение в англоязычной историографии, несмотря на отсутствие специальных фундаментальных монографических исследований и общую немногочисленность публикаций. Зарубежные исследователи характеризуют 1990-е годы как этап, центральной чертой которого было резкое ослабление военной отрасли в регионе, её отрицательная количественная и качественная динамика, что являлось одной из сторон общего кризисного состояния государственной системы, суммарную оценку которой со стороны западных аналитиков можно выразить словами одного из них: «Не только резко уменьшились традиционные экономические и военные источники национальной власти, но государственные институты, ответственные за проведение внешней политики и политики безопасности, находятся на различных стадиях расстройств и инвалидности»².

С точки зрения исторической науки, значимым представляется анализ учеными не только специфических показателей военного потенциала Дальнего Востока, но также политических и социальных проблем, отраженных через сообщество военнослужащих, и, в свою очередь, раскрытие всех этих аспектов в тесной взаимосвязи с характеристиками общества и власти в регионе в целом. В публикациях аргументированно показано, что особенностью данного этапа было сочетание, с одной стороны, целенаправленного проведения государством сокращения и реструктуризации войск, а с другой – стихийных деструктивных процессов, вызванных проблемами финансирования, военно-технического и социального обеспечения, коррупцией и т.п.

Основная часть представленных исследований была написана в конце 1990-х – начале 2000-х гг., и это наложило свой отпечаток на тон авторов, не видевших перспективы изменений, казалось бы, безнадежного положения, в котором оказались российская армия и флот. Однако 2000-е годы обозначили новый этап в общегосударственной и военной динамике РФ, соответственно историография этого этапа требует своего специального изучения.

¹ Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power... P. 270-276; Davis S. The Russian Far East... P. 112.

² Kuchins A.C. Russia and Great-Power Security... P. 432.

Литература:

1. Колесниченко К.Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края)// Ойкумена, 2012. № 3. С. 116-125.
2. Митичкин Н.С., Кулагин В.В., Муратов В.Н. Тихоокеанский флот России. 1731–2006. Исторический очерк (к 275-летию). Владивосток: Дальнаука, 2006. - 280 с.
3. Хмельнов И.Н. Российский флот: доблесть и нищета. М.: АСТ, 2003. - 502 с.
4. Blank S.J. Russia's Armed Forces on the Brink of Reform. March 16, 1998. 45 p. URL: <https://fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/brnkrefm.pdf> (дата обращения: 07.06.2018).
5. Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power// Orbis, 1999. Vol. 43. P. 257-284.
6. CNA Maritime Asia Project. Workshop Two: Naval Developments in Asia: conference report / ed. by M.A. McDevitt and C.K. Lea. CNA, 2012. - 140 p.
7. Davis S. The Russian Far East. The last frontier? London, New York: Routledge, 2003. - 155 p.
8. Galeotti M. Russia's Far East – Russian or Eastern?// IBRU Boundary and Security Bulletin. 1998. Spring. - P. 61-68.
9. Klein M. Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2014. 37 p.
10. Kuchins A.C. Russia and Great-Power Security in Asia// Russia and Asia: The Emerging Security Agenda / ed. by G. Chufrin. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 427-446.
11. Kuchins A.C., Zagorsky A.V. The Russian Federation and Asian Security. Marginalization or Integration? (1998), in: *America's Alliances with Japan and Korea in a Changing Northeast Asia: paper for the conference*, 25 p. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/ruseur_wp_009.pdf (дата обращение 18.01.2016).
12. McDevitt M.A., Lea C.K. Workshop Overview // CNA Maritime Asia Project. Workshop Two: Naval Developments in Asia: conference report / ed. by M.A. McDevitt and C.K. Lea. CNA, 2012. P. 1-24.
13. Moltz J.C. Russian Nuclear Regionalism: Emerging Local Influence over Far Eastern Facilities // Russia's Far East: a Region at Risk / ed. by J. Tornton and Ch. E. Ziegler. Seattle, London: The National bureau of Asian research, 2002. P. 247-266.
14. Nobuo Arai, Tsuyoshi Hasegawa. The Russian Far East in Russo-Japanese Relations // Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. London, New-York: Routledge, 1997. P. 157-186.
15. Sevastyanov S. Russian Reforms: the Implications for Regional Security Policy and the Military // Russia's Far East: a Region at Risk / ed. by J. Tornton and Ch. E. Ziegler. Seattle, London: The National bureau of Asian research, 2002. P. 223-246.
16. Zagorsky A.V. The Security Dimension // Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. London, New-York: Routledge, 1997. P. 23-48.

References:

1. Kolesnichenko K.YU. Voennyj faktor v razvitii Dal'nego Vostoka Rossii (na primere Primorskogo kraja) [The military factor in the development of the Russian Far East (by the example of Primorsky Krai)]. *Ojkmjena*, 2012, № 3, pp. 116-125. (in Russ.).
2. Mitichkin N.S., Kulagin V.V. Muratov V.N., Tihookeanskij flot Rossii. 1731–2006. *Istoricheskij ocherk (k 275-letiyu)* [The Russian Pacific fleet. 1731-2006. Historical essay (on the 275th anniversary)]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2006, 280 p.
3. Hmel'nov I.N. Rossijskij flot: doblest' i nishcheta [The Russian fleet: valor and poverty]. M.: AST Publ., 2003, 502 p.
4. Blank S.J., *Russia's Armed Forces on the Brink of Reform*. March 16, 1998, 45 p. URL: <https://fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/brnkrefm.pdf> (дата обращения: 07.06.2018)
5. Chang F.K., The Unraveling of Russia's Far Eastern Power (1999), *Orbis*, 43 (2), pp. 257-284.
6. McDevitt M.A., Lea C.K. (eds.), *CNA Maritime Asia Project. Workshop Two: Naval Developments in Asia: conference report*, CNA, 2012, 140 p.
7. Davis S., *The Russian Far East. The last frontier?*, London, New York: Routledge, 2003, 155 p.
8. Galeotti M., Russia's Far East – Russian or Eastern? (1998), *IBRU Boundary and Security Bulletin*, spring, pp. 61-68.
9. Klein M., *Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2014, 37 p.
10. Kuchins A.C., Russia and Great-Power Security in Asia (1999), in: G. Chufrin (ed.) *Russia and Asia: The Emerging Security Agenda*, Oxford University Press, pp. 427-446.
11. Kuchins A.C., Zagorsky A.V., The Russian Federation and Asian Security. Marginalization or Integration? (1998), in: *America's Alliances with Japan and Korea in a Changing Northeast Asia: paper for the conference*, 25 p. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/ruseur_wp_009.pdf (дата обращение 18.01.2016)
12. McDevitt M.A., Lea C.K., Workshop Overview (2012), in: McDevitt M.A., Lea C.K. (eds.), *CNA Maritime Asia Project. Workshop Two: Naval Developments in Asia: conference report*, pp. 1-24.
13. Moltz J.C., Russian Nuclear Regionalism: Emerging Local Influence over Far Eastern Facilities (2002), in: Tornton J., Ziegler Ch. E.(eds.), *Russia's Far East: a Region at Risk*, Seattle, London: The National bureau of Asian research, pp. 247-266.
14. Nobuo Arai, Tsuyoshi Hasegawa, The Russian Far East in Russo-Japanese relations (1997), in: Tsuneo Akaha (ed.), *Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific*, London, New-York: Routledge, pp. 157-186.
15. Sevastyanov S., Russian Reforms: the Implications for Regional Security Policy and the Military (2002), in: Tornton J., Ziegler Ch. E.(eds.), *Russia's Far East: a Region at Risk*, Seattle, London: The National bureau of Asian research, pp. 223-246.
16. Zagorsky A.V., The Security Dimension (1997), in: Tsuneo Akaha (ed.), *Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific*, London, New-York: Routledge, pp. 23-48.

**THE ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY ON THE STATE OF THE MILITARY
SPHERE IN THE FAR EAST IN 1990S**

Chernolutskaia E.N.

Doctor of Historical Sciences, leading researcher

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS

chvalery@mail.ru

Abstract. *The problem of the evolution of the armed forces in the Russian Far East in the first decade of the Russian Federation history has received quite versatile coverage in English-language historiography. Foreign researchers (F.K. Chang, S. Davis, A. Kuchins, M. Galeotti, J.C. Moltz, etc.) characterize the 1990s as a stage of a large-scale fall of the military sphere in the region that was a phenomenon of the general crisis of the state system. The publications reveal not only the negative quantitative dynamics of the potentials of the far Eastern military district and the Pacific fleet, but also the acuteness of the associated political and social problems. The studies demonstrate that the feature of the considered historical stage was the combination of, on the one hand, purposeful reduction and restructuring of troops carried out by the state, and on the other – spontaneous destructive processes caused by the problems of financing, military-technical and social security, corruption, etc. Through the prism of the military community, a sharp decline in living standards, the growth of social tension in the Far East are shown. The main conclusion of Western analysts is that, in the 1990s, the Pacific region lost the importance of Russia's strategic bastion. However, it retained an aging, but still large nuclear arsenal, that, according to experts, represented not so much a military as an environmental and technological threat in the conditions of the general crisis. The authors associate another type of danger with the involvement of the Far Eastern military to the political process, as well as the emergence of symbiotic relations between local authorities and the armed forces, which could lead to a decrease in the loyalty of the latter to the Central government.*

Key words: *English-language historiography, armed forces, the Russian Far East, the 1990s*

Для цитирования: Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о состоянии военной сферы на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг.// Архонт, 2018. № 3 (6). С. 103-114.